

На правах рукописи

ИВАНОВА Евгения Сергеевна

**ГОГОЛЕВСКОЕ «СЛОВО»
В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2016

Работа выполнена на кафедре русской филологии
в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

Научный руководитель: **ПОПОВА Ирина Михайловна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **ИВАНЬШИНА Елена Александровна**
доктор филологических наук, профессор
ГОУ ВО «Воронежский государственный
педагогический университет», профессор
кафедры теории, истории и методики пре-
подавания русского языка и литературы
(г. Воронеж)

КАПРУСОВА Марина Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный универ-
ситет», доцент кафедры филологических
дисциплин и методики их преподавания
(г. Борисоглебск)

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Национальный исследова-
тельский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва» (г. Саранск)**

Защита состоится 23 марта 2017 года в 11.00 на заседании диссертацион-
ного совета Д.212.261.03 при ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный уни-
верситет имени Г.Р. Державина» по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская,
181 «И», учебный корпус № 5, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиоте-
ке ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Дер-
жавина» и на сайте университета <http://www.tsu.tmb.ru>

Автореферат разослан « _____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Махрacheва Т.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова (1891-1940) – яркое и оригинальное явление в истории русской литературы XX века, в котором отражены обширные и плодотворные художественно-эстетические контакты с классической русской литературой.

Творческое обращение М.А. Булгакова к художественным текстам литературных предшественников объясняется не только близостью мировоззренческих позиций, творческих установок и художественных идей, но и художественной восприимчивостью писателя, его стремлением расширить эстетические возможности текста и углубить философско-поэтические смыслы своих произведений.

Одним из способов объективной и точной интерпретации художественных творений М.А. Булгакова служит изучение интертекстовых (интертекстуальных) связей, являющихся важнейшим компонентом поэтической системы этого художника слова. Особенно значимым оказалось для булгаковского творчества «слово» Н.В. Гоголя, включающее разнообразные поэтические элементы: точные и варьированные цитаты, аллюзии, реминисценции, антономасию, пародии, упоминание имени сатирика, его хрестоматийных типов героев, интерпретации сюжетов гоголевских произведений.

Выявление гоголевского начала в творчестве М.А. Булгакова, определение функциональности цитат из произведений Н.В. Гоголя в прозе писателя XX века, дает возможность акцентировать важнейшие художественные детали, глубже понять творческую интенцию, увидеть новаторскую самобытность обоих писателей.

Актуальность диссертации связана с общим исследовательским интересом к проблеме интертекстовых связей в современном литературоведении; явной потребностью булгаковедения в определении новых научных подходов к изучению прозы М.А. Булгакова, которые опирались бы на новейшую теоретико-методологическую основу; обострением внимания ко всему творческому наследию писателя, ориентирующемуся, с одной стороны, на обращение к традициям классической литературы, а с другой – на внедрение в свою сатиру «игровых» провокационных интертекстом.

Обобщенное исследование гоголевского «слова» в наследии М.А. Булгакова является не только попыткой осмыслить все ранее сказанное в науке по этой актуальной проблеме, но и по-новому взглянуть на художественные и художественно-публицистические произведения писателя, остававшиеся ранее за пределами изучения, увидеть, какую огромную, вдохновляющую роль сыграло гоголевское «слово» в его художественном мире.

Степень разработанности темы исследования. Известно из многих источников мемуарной и эпистолярной литературы, что именно личность

Н.В. Гоголя стала ключевой в жизни и творчестве М.А. Булгакова¹. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма М.А. Булгакова, воспоминания его родственников, коллег, друзей. Создаются исследовательские работы, основанные на выявлении поразительных «совпадений» в судьбах писателей, их «мистической связи» (С.А. Ермолинский², Ю.В. Кондакова³), творческом диалоге (Е.А. Иваньшина⁴, М.О. Чудакова⁵), психологической общности творческого метода (М.Г. Васильева⁶). Гоголевские «следы» в булгаковской прозе изучались в работах О.И. Акатовой⁷, П.А. Горохова⁸, В.В. Зимняковой⁹, А.В. Казориной¹⁰, Л.Б. Менглиновой¹¹, Е.А. Савиной¹², В.В. Спесивцевой¹³, Е.Р. Южаниновой¹⁴ и др.

¹ Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М., 1989. 221 с.; Булгакова Е.С., Ляндрес С.А. (сост.) Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. 524 с.; Боборыкин В.Г. Михаил Булгаков. М., 1991. 208 с.; Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет. М., 2004. 360 с.; Лакшин В. Судьба Булгакова: легенда и быль // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. 528 с.; Петелин В. Михаил Булгаков. Жизнь. Личность. Творчество. М., 1989. 496 с.; Берзер А. Возвращение мастера. «Новый мир», 1967, № 9. С. 259-264.; Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001. 424 с. и др.

² Ермолинский С.А. Из записок разных лет. М., 1990. 254 с.

³ Кондакова Ю.В. Гоголь и Булгаков: поэтика и онтология имени: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2001. 296 с.

⁴ Иваньшина Е.А. Святочная семантика и гоголевский «след» в творчестве М.А. Булгакова («Зойкина квартира»). URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1214/> (дата обращения: 07.10.2016); Иваньшина Е.А. Семантика закодированного места в пьесе М.А. Булгакова «Адам и Ева» (к вопросу о гоголевской традиции в творчестве Михаила Булгакова) // Эйхенбаумовские чтения: материалы международной конференции. Воронеж, 2003. Вып. 4. С. 173-180.

⁵ Чудакова М.О. Гоголь и Булгаков // Гоголь: история и современность: (К 175-летию со дня рождения). М., 1985. С. 360-388; Чудакова М.О. Жизнеописание М. Булгакова. 2-е изд. М., 1988. 669 с.

⁶ Васильева М.Г. Гоголь в творческом сознании М.А. Булгакова. Автореферат дис-сертации ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2005. URL: <http://diss.seluk.ru/av-filologiya/642905-1-nvgogol-tvorcheskom-soznanii-mabulgakova.php> (дата обращения: 26.08.2015).

⁷ Акатова О.И. Поэтика сновидений в творчестве М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саратов. 2006. 228 с.

⁸ Горохов П.А. Историческая фантастика Михаила Булгакова. Опыт философского прочтения // Вестник ОГУ. 2004. № 4. С. 4-9; Горохов П.А., Южанинова Е.Р. Философия инфернального в творчестве Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Вестник ОГУ. 2008. № 7. С. 19-24.

⁹ Зимнякова В.В. Роль онейросферы в художественной системе М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново, 2007. 182 с.

¹⁰ Казорина А.В. Концепция творческой личности в прозе М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Улан-Удэ, 2009. 189 с.

¹¹ Менглинова Л.Б. Сатира в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Философские науки. Вопросы теории и практики Тамбов, 2008. № 2. С. 67-73.

¹² Савина Е.А. Мистические мотивы в прозе М.А. Булгакова: «Собачье сердце»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2005. 168 с.

¹³ Спесивцева В.В. Переработка макрокомпозиции гоголевского текста в киносценарии М.А. Булгакова «Необычайное происшествие...» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 284-287.

¹⁴ Южанинова Е.Р. Ценностные и рационально-теоретические компоненты в мировоззрении М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук: 09.00.03. Екатеринбург, 2008. 162 с.

Современное булгаковедение, ориентированное на поиск и выявление гоголевских интертекстуальных связей, очень разнообразно.

Исследователей 2000-х годов интересовало, прежде всего, мистическое начало в булгаковском творчестве (выраженное, главным образом, в символическом образе зла и сатанинских сил), которое, безусловно, генетически восходит к традиции Н.В. Гоголя (П.А. Горохов, Е.Р. Южанинова). Привлекает филологов также изучение творческого диалога писателей, построенного посредством интерпретаций гоголевских сюжетов, мотивов, персонажей, цитат, что к настоящему времени составляет значительный объем написанной научной литературы, хотя целостного обобщающего исследования по проблеме функциональности гоголевского «слова» в художественных текстах М.А. Булгакова пока нет.

Безусловно, художественное осмысление в булгаковской прозе многих гоголевских произведений, многофункциональное использование цитат, аллюзий, реминисценций о знаковых гоголевских типах персонажей и известных мотивах, пародирование и сюжетное варьирование их в булгаковских художественных текстах способствовало созданию оригинального авторского стиля и в целом расширило новаторские творческие возможности русского писателя XX века («фельетонные рассказы», например).

В результате обзора современной булгаковедческой научной литературы в нашем исследовании приходим к следующему выводу. Всеми исследователями, обращавшимися к творчеству М.А. Булгакова в заявленном нами аспекте изучения, подтверждается факт «наследования» писателем традиций творчества Н.В. Гоголя и обнаруживаются некоторые виды традиционных мотивов и интертекстуальных приемов во многих булгаковских произведениях.

Для обобщающего, целостного и полного решения этой важнейшей проблемы творчества М.А. Булгакова по-прежнему не хватает специального прочтения и комплексного анализа литературных знаков, носящих как отпечаток литературной гоголевской традиции, так и интертекстуального начала. К настоящему времени в полной мере еще не осмыслен и мотивный потенциал творчества М.А. Булгакова, содержащий отсылки к творчеству его литературного предшественника.

Выявление и анализ гоголевского «слова» в творчестве М.А. Булгакова позволяет более глубоко проникнуть в художественные замыслы писателя и понять специфику его ставшей «хрестоматийной» прозы в контексте развития русской литературы первой трети XX века в целом.

Материалом диссертационного исследования стало прозаическое наследие Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова.

Объектом изучения являются фельетонные рассказы 1920-х гг. («Заколдованное место», «№ 13. – Дом Эльпитрабкоммуна», «Самогонное озеро», «“Ревизор”» с вышибанием), «Двуликий Чемс», «Бубновая история», «Лестница в рай», «Звуки польки неземной», «Повесили его или нет?», «Как, истребляя пьянство, председатель транспортников истребил», «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» «Как Бутон женился», «Удачные и неудачные роды», «Кондуктор и член императорской фамилии»); поэма в X пунктах «Похождения Чичикова»; очерки «Киев-город», «Столица в блокаде»; повести из циклов «Записки на манжетах» и «Записки юного врача» с примыкающей к нему повестью «Морфий», повесть «Тайному другу», практически не исследованные доньны, а также более изученные сатирические повести («Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце»); рассказы («Красная корона», «Китайская история», «Сапоги-невидимки», «Серия 06 № 0660243», «Богема», «Воспоминание»); пьеса «Бег»; романы «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита».

Предметом исследования является рецепция гоголевского творчества в прозе М.А. Булгакова в аспекте развития традиции (тем, идей, образов, мотивов), а также использование прецедентных феноменов и других видов интертекста (с перекодированным смыслом) в произведениях М.А. Булгакова.

Цель диссертации: исследовать феномен гоголевского «слова» в прозе М.А. Булгакова в аспекте его поэтической и содержательной функциональности. Для достижения поставленной цели были определены следующие основные **задачи**:

1. Дать теоретическое обоснование поставленной в диссертации проблеме гоголевского «слова» в творчестве М.А. Булгакова, определить параметры его воплощения в художественном мире писателя; уточнить понятия «слово классика», «традиция», «новаторство», «интертекстуальность», «прецедентные феномены».

2. Рассмотреть особенности гоголевского «присутствия» в контексте всего творчества М.А. Булгакова, выявить динамику развития «слова» Гоголя в прозе писателя XX века.

3. Обозначить логику выбора некоторых аспектов творчества классика русской литературы М.А. Булгаковым и определить их значимость для его художественного мира. Наметить параметры гоголев-

ского «слова» в булгаковском художественном наследии, прежде всего в его неизученных произведениях: повестях, очерках, рассказах, фельетонах.

4. Выявить функциональные возможности интертекстуальных художественных средств сатирических произведений М.А. Булгакова, созданных на основе гоголевских претекстов, и установить их смыслы в творчестве писателя XX века.

Научная новизна диссертационной работы заключается в выборе нового ракурса исследования литературных связей М.А. Булгакова: в обнаружении и анализе гоголевских «следов» в «малых» жанрах прозы писателя (ранних повестях, фельетонных рассказах, пьесах, очерках) с целью выявления их функциональности и раскрытия идейно-художественной значимости; расширении представлений о развитии традиционных тем и образов русской классики в творческом сознании Булгакова-сатирика, выраженных сквозь призму гоголевского «слова».

Кроме того, научная новизна состоит в том, что в первой главе уточняются некоторые поэтико-теоретические установки писателя, обосновываются теоретические аспекты традиции, интертекстуальности, определяются отличительные особенности прецедентных феноменов, адаптированных к новому художественному контексту и ориентированных на современную Булгакову действительность.

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработке проблемы текстопостроения и сюжетосложения на основе анализа различных видов «чужого слова» и установлении его значимости в прозаических жанрах. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию художественно-философских аспектов прозы М.А. Булгакова; позволяют выявить специфику его творчества как оригинального художественно-эстетического явления, включающего «слово» Гоголя для построения новых художественных смыслов с опорой на литературный авторитет русского классика.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов исследования в процессе дальнейшего научного изучения творчества М.А. Булгакова; а также в курсах лекций и при проведении практических занятий по русской литературе в высших учебных заведениях.

Теоретико-методологической базой исследования стали положения, выдвинутые в трудах:

– теоретиков и историков литературы Б.В. Томашевского¹⁵, Ю.И. Тынянова¹⁶, А.Н. Веселовского¹⁷, М.М. Бахтина¹⁸, В.Б. Шкловского¹⁹, В.В. Виноградова²⁰, Ю.М. Лотмана²¹, М.П. Алексеева²², И.П. Смирнова²³, Н. Пьеге-Гро²⁴ и др.;

– русских мыслителей и зарубежных философов Н.А. Бердяева²⁵, А.Ф. Лосева²⁶, А.И. Розова²⁷, Л.И. Шестова²⁸, З. Фрейда²⁹ и др.;

– языковедов И.А. Арнольд³⁰, Ю.Н. Караулова³¹, Е.А. Козицкой³², К.Б. Свойкина³³, Л.И. Гришаевой³⁴, Н.А. Фатеевой³⁵, Н.С. Аксе-

¹⁵ Томашевский Б.В. Псевдопушкинские автографы // Жизнь искусства. 1924. № 9. С. 12-14.

¹⁶ Тынянов Ю.И. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 576 с.

¹⁷ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. 464 с.

¹⁸ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. 470 с.; Бахтин М.М. Проблема текста // Вопросы литературы. 1976. № 10. URL: http://hyperlib.libfl.ru/viewurl.php?url=/files/archive/texts/B/Bakhtin_Problema_teksta/Bakhtin_Problema_teksta.htm (дата обращения: 12.01.2016); Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 310 с.; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 444 с.

¹⁹ Шкловский В.Б. Заметки о прозе русских классиков. М.: Советский писатель, 1953. 324 с.; Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1983. 384 с.

²⁰ Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 5-44.

²¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. 464 с.; Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. Избранные статьи: в 3-х т. Т. 2. Таллин, 1992. 478 с.; Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973. 488 с.; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб., 1998. С. 14-285.

²² Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. 448 с.; Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. 614 с.

²³ Смирнов И.П. Порождение интертекста. 2-е изд. СПб., 1995. 193 с.

²⁴ Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2008. 240 с.

²⁵ Бердяев Н.А. Духи революции. Из глубины: сборник статей о русской революции. URL: <http://predanie.ru/lib/book/181094/#toc6> (дата обращения: 27.02.2016).

²⁶ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М., 1995. 320 с.

²⁷ Розов А.И. Психологические аспекты религиозного удвоения мира // Вопросы философии. 1987. № 2. С. 120.

²⁸ Шестов Л.И. Творчество из ничего (А.П. Чехов). URL: http://dugward.ru/library/shestov/shestov_tvorchestvo_iz_nichego.html (дата обращения: 03.03.2016).

²⁹ Фрейд З. Толкование сновидений / Пер. с нем. СПб., 2011. 512 с.

³⁰ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М., 2010. 448 с.

³¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 263 с.

³² Козицкая Е.А. Цитата в структуре поэтического текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Тверь, 1998. 237 с.

³³ Свойкин К.Б. Диалогика научного текста. Саранск, 2006. 148 с.

³⁴ Феномен прецедентности и преемственность культур / ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попов, В.Т. Титов. Воронеж, 2004. 312 с.

³⁵ Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007. 280 с.

новой³⁶ и др. по вопросам интерпретации художественного произведения в рамках разделения понятий традиционного и интертекстуального.

В процессе работы учтен опыт исследований булгаковедов Н.В. Головенкиной³⁷, В.В. Зимняковой³⁸, Е.А. Иваньшиной³⁹, Н.С. Кадыровой⁴⁰, А.В. Казориной⁴¹, М.Н. Капрусовой⁴², Ю.В. Кондаковой⁴³, Т.Ю. Малковой⁴⁴, О.Ю. Осьмухиной⁴⁵, Н.С. Поярковой⁴⁶, Б.В. Соколова⁴⁷, И.С. Урюпина⁴⁸, О.В. Федунин⁴⁹ и др., чьи труды посвящены

³⁶ Аксенова Н.С. Интертекстуальность в литературоведении и лингвистике: проблема выбора подхода // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/271> (дата обращения: 13.03.2016).

³⁷ Головенкина Н.В. Метафорическое моделирование действительности в художественной картине мира М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2007. 238 с.

³⁸ Зимнякова В.В. Роль онейросферы в художественной системе М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново, 2007. 182 с.

³⁹ Иваньшина Е.А. Культурная память и логика текстопорождения в творчестве М.А. Булгакова: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2010. 464 с.: ил.

⁴⁰ Кадырова Н.С. Концептосфера романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Стерлитамак, 2013. 235 с.

⁴¹ Казорина А.В. Концепция творческой личности в прозе М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Улан-Удэ, 2009. 189 с.

⁴² Капрусова М.Н. Один из вариантов отношения к «Булгаковскому мифу» в современной литературе: юмор, ирония, самоирония, сатира // Юмор и сатира в координатах XXI века: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции 1 апреля 2015 года (Варна, Болгария) / под ред. М.Н. Капрусовой, Р.Е. Тельпова. Варна, 2015. С. 40-44.; Капрусова М.Н. «Какой интересный город, не правда ли?»: Некоторые размышления об образе Москвы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Выпуск 2: К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина. По материалам Международного конгресса литературоведов 1-4 октября 2014 года: в 2-х книгах. Книга 2 / сост. Н.Н. Комлик. Елец, 2014. С. 333-337.

⁴³ Кондакова Ю.В. Гоголь и Булгаков: поэтика и онтология имени: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2001. 296 с.

⁴⁴ Малкова Т.Ю. Полигенетичность демонических образов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 2012. 20 с.

⁴⁵ Осьмухина О.Ю. Поэтика скандала в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 46-49.

⁴⁶ Пояркова Н.С. Дом и мир в прозе М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 210 с.

⁴⁷ Соколов Б.В. Булгаков: персонажи, прототипы, произведения, друзья и враги, семья. М.: Эксмо, 2005. 827, [5] с.: ил., портр.; Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. М.: Миф, 2000. 586 с.: ил., портр.; Соколов Б.В. Три жизни Михаила Булгакова. М., 1997. 432 с.

⁴⁸ Урюпин И.С. Национальные образы-архетипы в творчестве М.А. Булгакова: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. Елец, 2011. 451 с.: ил.

⁴⁹ Федунина О.В. Форма сна и художественная память в романе XX века («Белая гвардия» М.А. Булгакова) // Новый филологический вестник. 2005. № 1. С. 90-97.

изучению различных аспектов творческого наследия писателя и, в частности, касающихся осмысления проблемы гоголевской традиции в прозе М.А. Булгакова.

Учтены научные концепции гоголеведов: Е.И. Анненковой⁵⁰, Ю.Я. Барабаш⁵¹, И.А. Виноградова⁵², Г.А. Гуковского⁵³, И.П. Золотуского⁵⁴, В.Ш. Кривonos⁵⁵, Ю.В. Манна⁵⁶ и др.

Учтена многолетняя творческая деятельность кафедры русской филологии Тамбовского государственного технического университета и кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина в области гоголе- и булгаковедения.

В основу **методики исследования** положен системный подход с элементами историко-функционального, историко-сравнительного, герменевтического и сравнительно-текстологического методов изучения произведений литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Гоголевское «слово», воссозданное в философско-поэтическом содержании прозы М.А. Булгакова, включает не только продолжение и развитие классической традиции русской литературы (тем, идей, типологических образов, мотивов), реализованной Гоголем-сатириком, но и введение художественных приемов «игрового», перекодированного «слова» (интертекстом), в том числе прецедентных феноменов из творчества Н.В. Гоголя, которые предполагают сатирическую вариативность смысла в соответствии с новой исторической реальностью, отображенной писателем XX века («Белая гвардия», «Записки на ман-

⁵⁰ Анненкова Е.И. Проповедничество Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями») // Исследования по русской литературе. Стамбул, 2010. С. 4-16.; Анненкова Е.И. Исповедь и проповедь Гоголя // Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями». 2-е изд. СПб., 2012. С. 5-36.; Анненкова Е.И. «Страхи и ужасы России» (Диалог автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» с современниками) // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. Вып. 3. М., 2012. С. 55-90.

⁵¹ Барабаш Ю.Я. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков / Ю.Я. Барабаш. М., 1995. 223 с.

⁵² Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М., 2000. 449 с.

⁵³ Гуковский Г. Реализм Гоголя. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/99148/15/Gukovskii_-_Realizm_Gogolya.html#n_78 (дата обращения: 03.03. 2014).

⁵⁴ Золотуский И. Гоголь. М., 1979. URL: http://royallib.com/read/zolotusskiy_igor/gogol.html#1 (дата обращения: 20.05.2015).

⁵⁵ Кривonos В.Ш. «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы. Воронеж, 1985. 159 с.; Кривonos В.Ш. Гоголь. Проблемы творчества и интерпретации. Самара, 2009. 431 с.

⁵⁶ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. 474 с.; Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни. 1809-1845. М., 2004. 816 с.

жетах», «Записки юного врача», «Дьяволиада», «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Мастер и Маргарита», «Театральный роман», «Бег», «Мастер и Маргарита, рассказы, фельетоны и очерки 1920-х гг. и др.).

2. Образ Гоголя-сатирика, возникающий в прозе М.А. Булгакова на протяжении всего его творческого пути, является индикатором духовного состояния России в начале 1920-х гг., в эпоху НЭПа, когда, по мнению М.А. Булгакова, уровень нравственности и духовности резко снизился (сатирические художественно-публицистические фельетонные рассказы, «Киев-город», «Белая гвардия», «Записки на манжетах», «Тайному другу», «Похождения Чичикова»). Обращение в сатирических малых жанрах к «слову» Гоголя происходит у Булгакова прежде всего как апелляция к высшему литературному авторитету, способному направить русское общество на путь традиционных ценностей, то есть на стезю правды, честности и веры, восстановить ценность национального культурного наследия.

3. Посредством прямого и варьированного осмысления традиционных хрестоматийных образов гоголевских персонажей, тематики, проблематики, мотивов и сюжетов гоголевских произведений, происходит углубление философско-поэтического смысла булгаковской прозы и сопоставление реалий послереволюционной России 1920-х годов с эпохой 1840-х годов (фельетонные рассказы 1920-х гг., сатирические повести, «Белая гвардия», «Записки юного врача», «Бег», «Мастер и Маргарита»).

4. Традиционные гоголевские темы, типы героев, сюжеты и мотивы (тема «маленького человека», «разлада мечты и действительности», сюжет «заколдованного места», мотив «носатости», феномены «чичиковщины», «хлестаковщины», «ноздревщины» и др.) в контексте булгаковской эпохи предстали как маркеры еще большего духовного падения и даже «обесчеловечивания человека» в произведениях «Белая гвардия», «Бег», «Мастер и Маргарита», повестях, рассказах и фельетонах 1920-х гг., выступили как свидетельства искажения некоторых черт национального русского характера в кризисную послереволюционную эпоху.

5. Интертекстуальные средства выразительности и изобразительности (инсценировки, варьирование сюжета, игра именами персонажей и др.) помогают М.А. Булгакову (особенно в «малых» сатирических и художественно-публицистических жанрах) предельно обнажить порочность нового общества, четко и неприкрыто выразить авторскую позицию, насытить художественный текст яркими сатирическими метафорическими образами, показав усиление деградации совести и чес-

ти в сопоставлении с гоголевскими гротескными типами, такими, как плюшкины, чичиковы, шпоньки и др.

6. Гоголевское «слово» в целом служит духовной опорой для Булгакова, выполняя множество художественных функций в творчестве писателя: утверждает непреложные идеи о приоритете духовного над материальным; напоминает о Богоподобии человека; высмеивает мелкую сиюминутность; иронизирует над порочностью и злом; определяет исконные основы русского национального характера и фиксирует, высмеивая, его искажения, то есть выполняет функции проявления авторской позиции, характеристики героев, инвективной обличительности. При этом основополагающей у Гоголя и Булгакова является также онирическая функция, выражающая абсурдность реальности в катастрофическом историческом времени («Китайская история», «Морфий», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»).

Апробация работы. Основные положения диссертации апробированы в рамках научно-методологического семинара, посвященного творчеству М.А. Булгакова в Институте филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Тамбов, 2012), на II научно-практической конференции «Язык и культура» (Новосибирск, 2012), на XIV Международной научно-практической конференции «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» (Москва, 2013), на XVIII «Державинских чтениях» в Институте филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Тамбов, 2013), на XXIX и XLVIII международных научно-практических конференциях «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Новосибирск, 2013, 2015), на Международном конгрессе литературоведов «Первые российско-украинские чтения: Диалог славянских культур» (Тамбов, 2014), на III Международной научно-практической конференции «Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени» (Екатеринбург, 2014), на XIII Международной научно-практической конференции «Достижения современной науки» (Москва, 2016), на IV Международной научно-практической конференции «Проблемы современной филологии» в Тамбовском государственном техническом университете (Тамбов, 2016), на семинарах кафедры русской филологии в Тамбовском государственном техническом университете (на протяжении всего периода обучения в аспирантуре)

Структура работы обоснована раскрытием заявленной темы в рамках поставленных целей и задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний и библиографического списка, включающего 203 источника. Общий объем исследования – 225 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «**Теоретический аспект проблемы гоголевского «слова» в творчестве М.А. Булгакова**» посвящена определению и уточнению используемой в диссертации терминологии филологического интертекстуального анализа, таких как «слово», «чужое слово» (М.М. Бахтин), «интертекстуальность» (Ю. Кристева), «прецедентные феномены» (Ю.Н. Караулов), а также «цитата», «мотив». Устанавливаются сходства и различия между понятиями «традиционное» и «новаторское», с одной стороны, и «интертекстуальность» в различных ее формах, в том числе «прецедентные феномены», с другой стороны.

Впервые дается определение понятию «слово» предшествующего писателя в творчестве последующего автора, широко используемое в современном литературоведении, но не имеющее точной трактовки⁵⁷.

По-нашему убеждению, понятие «слово писателя» более широкое, чем остальные термины (традиция, интертекстуальность, прецедентные феномены) и, судя по уже имеющимся научным исследованиям, включает в себя все эти названные выше определения, рассматривая все виды обращения к тексту предшественника.

В настоящем диссертационном исследовании в понятие гоголевского «слова» включаются: **традиция** (как избирательное следование актуальной для писателя тематике, проблематике, типологии героев, мотивам претекста); **интертекстуальность** (как новаторское развитие темы реципиента, построение новых интерпретаций цитируемого); **прецедентные феномены** (как использование для углубления художественного смысла повторяемых в разные эпохи культурных знаков, отражающих ментальность народа).

Во второй главе «**Художественный смысл развития гоголевских сюжетов и мотивов в прозе М.А. Булгакова. Классическая традиция и новаторство**» рассматривается соотношение традиционного и новаторского в гоголевском «слове», присутствующим в произ-

⁵⁷ Попова И.М. «Чужое слово» в творчестве Е.И. Замятина (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский). Тамбов: ТГТУ, 1997. 154 с.; Шукуров Д.Л. Поэтика «чужого слова» в творчестве К.К. Вагинова: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998. 228 с.; Антошина Е.В. «Чужое слово» в прозе В.В. Набокова 1920-1940-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 225 с.; Малкина О.Ю. Ф.М. Достоевский в художественном мире М.П. Арцыбашева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 24 с.; Бурукина А.Ф. Жанровое многообразие прозы А. Блока: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2007. 224 с.; Умнов А.Е. «Слово» Ф.М. Достоевского в творчестве В.Е. Максимова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 24 с.; Тарасов Ф.Б. Пушкин и Достоевский: евангельское слово в литературной традиции: дис. ... доктора филол. наук. М., 2011. 368 с. и др.

ведениях Булгакова, анализируется специфика варьирования известных гоголевских сюжетов («Бубновая история», «“Ревизор” с вышибанием», «Двуликий Чемс»), тема «маленького человека» («Сапоги-невидимки», «Серия 06 № 0660243», «Кондуктор и член императорской фамилии»), изучаются онирические мотивы и лейтмотив разлада мечты и действительности («Морфий», «Китайская история», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»); определяется функциональный смысл введения символов «заколдованного места» («Киев-город», «Белая гвардия», «Заколдованное место») и мотива безумия («Красная корона», «Бег»).

В первом параграфе **«Варьирование сюжетов повести «Нос» и комедии «Ревизор» в прозе М.А. Булгакова»** выявляется гоголевское начало в рассказах-фельетонах «Бубновая история» и «“Ревизор” с вышибанием (новая постановка)», а также рассказе «Двуликой Чемс».

Влияние гоголевской традиции в организации мотивной структуры этих произведений М.А. Булгакова очевидно. Гоголевское «слово» проявляется на идейно-тематическом (человек и общество, человек и система), сюжетно-фабульном (невероятное происшествие, случившееся наяву), характерологическом (портретные характеристики персонажа и др.), поэтическом (материальный мир оказывается основной движущей силой общества) уровнях.

В рассматриваемых произведениях находят отражение следующие гоголевские приемы: антономасия – «игровое» использование говорящих имен, дающее дополнительную характеристику персонажу; «опредмечивание» героя; введение символического «двойника» и сновидений героя, одновременно выполняющих характерологическую и сюжетообразующую функции; в основу произведений положено абсурдное происшествие.

Цитируя произведения Н.В. Гоголя для показа современной писателю эпохи, Булгаков солидарен со своим предшественником в оценках зла, он обращает внимание на вневременной характер проблемы обличения общечеловеческих пороков. «Слово» Гоголя усиливает художественную аргументацию отрицательного восприятия нового социального порядка.

Многофункциональность гоголевского «слова» становится важнейшим компонентом конструктивного признака булгаковской прозы. Гоголевские приемы, использованные М.А. Булгаковым в рассказах и фельетонах, способствуют раскрытию авторского замысла, развора-

чиванию эстетического культурного диалога с литературным предшественником.

Во втором параграфе второй главы **«Гоголевское «заколдованное место» в булгаковском творчестве»** доказывается, что гоголевский образ «заколдованного места» оказал значительное влияние на формирование в прозе М.А. Булгакова знака «бесовского пространства», возникшего у писателя в революционные годы.

«Колдовской хронотоп» как место падения нравственности и духовности изображен в ранний период творчества Булгакова: в фельетоне-рассказе «Заколдованное место», где описана в духе гоголевского inferнального пространства «Петербургских повестей» булгаковская Москва, Киев «смутного времени» 1917-1923 годов в романе «Белая гвардия» и художественном очерке «Киев-город».

При описании «заколдованного» Города писатель сохраняет основные гоголевские признаки и свойства «заколдованного места», а также использует гоголевские приемы абсурдизации, включения в художественный текст слухов, фиксации чертовщины в повседневности, одушевления. Если гоголевский образ «заколдованного места», возникший в ранних романтических повестях и художественных очерках сатирика, во многом определил булгаковское поэтическое восприятие Киева, малороссийских/украинских особенностей, то «заколдованный» гоголевский Петербург, несомненно, повлиял на формирование онирической «московской» модели мира в прозе М.А. Булгакова.

Третий параграф **«Реализация гоголевских онирических мотивов в прозе М.А. Булгакова»** посвящен использованию гоголевских сновидческих мотивов в булгаковской прозе. В нем показано, как традиционная гоголевская тема крушения мечты под бременем грубой реальности получает развитие и в творчестве М.А. Булгакова в его рассказе «Китайская история», повести «Морфий», романе «Театральный роман». Образы гоголевских героев «Петербургских повестей» и романтической «Идиллии в картинах» возрождаются в творческих переключках душевно ранимых персонажей (доктора Полякова («Морфий») и писателя Максудова («Театральный роман»).

Ведущим художественным приемом, характеризующим и гоголевских, и булгаковских персонажей, является сон. Писатели избирают главными героями своих произведений сновидцев-романтиков, остро ощущающих противоречие своих желаний и представлений с условиями действительного мира, поэтому они избирают для себя пребывание в нескольких временных измерениях.

Герои Гоголя и Булгакова думают, что спасаются «бегством» из действительности в свои сны, но они только слепо гонятся за своей мечтой, несуществующим идеалом, столь далеким от грубого мира. Подмена реальной действительности сновидческим, виртуальным миром в сознании персонажа обуславливает смешение, слияние яви и сна в их сознании, выражая таким образом писательскую идею об абсурдности мироустройства, раскрывая подсознание.

Наследование гоголевской традиции происходит у Булгакова, по нашему мнению, очень тонко, творчески: последователь не копирует идеи Гоголя, а варьируя, углубляет их, демонстрируя хрупкость душевной организации своих персонажей, ранимость их психики, едва выдерживающей испытания жестокой реальностью.

Развивая мотив крушения мечты под бременем грубой реальности, Булгаков затрагивает вечные духовные проблемы, стоящие перед человечеством, акцентирует внимание на таком свойстве скорбной земной жизни, как разрушение человеческой мечты о рае, о душевной гармонии и божественной красоте души человека.

Завершает вторую главу диссертации четвертый параграф **«Гоголевский мотив безумия как поэтическая доминанта прозы М.А. Булгакова»**. Сопоставительный анализ художественных текстов показывает, что гоголевский мотив сумасшествия как определение безумия окружающей действительности, претерпевает новое осмысление и развитие в прозе Булгакова.

Выполняя сходную функцию показа безумия как духовного прозрения («Петербургские повести» Н.В. Гоголя), в произведениях М.А. Булгакова мотив сумасшествия возникает в рассказе «Красная корона» как свидетельство невозможности вместить в человеческое сознание братоубийство и кровное разделение, которое человек вынужден носить внутри себя в период гражданской войны.

В пьесе «Бег» данный мотив усложняется: гоголевская идея о сумасшествии как способе познания и раскрытия правды дополняется булгаковской мыслью о потере ума как способе выживания в абсурдном мире. Оба писателя, показывая героев «на грани», широко используют гротеск, фантастику и мистику, подчеркивая добровольное «богоотступничество» персонажей, переходящее в чувство «богооставленности», которое и лишает их рассудка.

В конце дается вывод по второй главе исследования: гоголевская традиция, как видно из сопоставительного анализа произведений, включает постоянный и широкий выбор тем, проблем и образов, которые даются М.А. Булгаковым в новых аспектах осмысления, позво-

ляющих писателю XX века ответить на злободневные вопросы, которые его «осаждали» в период творческой работы. К ним относятся тема «маленького человека», мотив несоответствия мечты и действительности, мотив сумасшествия как обретения истины, мотив раздвоения личности как выживания из сердца бесовских пристрастий и греховных помыслов и другие мотивы, развернутые и глубоко осмысленные писателем в своей прозе.

В третьей главе **«Функциональность гоголевских интертекстов в прозе М.А. Булгакова»** демонстрируется, как цитаты и прецедентные феномены из произведений Гоголя гармонично вписываются в булгаковские художественные тексты, активизируя свои функциональные возможности. В этой главе, посвященной изучению функций прецедентных феноменов, цитат, реминисценций, аллюзий, сюжетов, образов из произведений Н.В. Гоголя, доказываемая, что средства интертекстуальности представлены в творчестве Булгакова в разных функциональных позициях в несколько измененном, перекодированном или травестированном планах.

В первом параграфе **«Значимость гоголевских цитат в произведениях М.А. Булгакова»** обозначена роль гоголевских выражений, афористичных и наполненных мудростью и жизненным опытом. В основном Булгаков цитирует своего литературного предшественника в «малых» творческих жанрах юмористического и сатирического характера.

Гоголевские цитаты включаются писателем в текст в качестве материала, на котором зиждется фабула произведения («Похождения Чичикова», «Двудесятилетний Чесм»). С их помощью строится авторская «игра» со смыслами, что способствует выражению авторской интенции: сатирическое обличение послереволюционной действительности («Золотые корреспонденции Феропонта Феропонтовича Капорцева», «Удачные и неудачные роды», «Повесили его или нет?»).

Булгаков использовал также гоголевские цитаты в качестве эпиграфа к произведениям для сопоставительного анализа насущных проблем современности, акцентировки бестолковости социального устройства в России, в частности некоторых традиций светско-деловых мероприятий («Звуки польки неземной», «Повесили его или нет?»). Сочетая несколько эпиграфов, Булгаков выстраивает диалог с Гоголем, символизирующим ушедшую эпоху («Сапоги невидимки», «Как Бутон женился»). Построенный на каламбуре, эпиграф призван привлечь читательское внимание на порочные стороны современного для Булгакова общества. Использование гоголевских строк в эпиграфе позволяет писателю создать особую сатирическую атмосферу в произведении.

Второй параграф **«Символизация имени и художественного образа писателя Н.В. Гоголя в произведениях Булгакова»** посвящен рассмотрению роли и функции упоминания имени Н.В. Гоголя в художественных текстах писателя на протяжении всего его творчества: как в ранних художественных и художественно-публицистических произведениях («Записки на манжетах», «Лестница в рай», «Похождения Чичикова», «Белая гвардия»), так и позднем творчестве М.А. Булгакова (Тайному другу», «Театральный роман»). Воссоздавая образ писателя Гоголя в «Похождениях Чичикова», Булгаков продолжает инвективное описание персонажей своего литературного предшественника как «мертвых душ» в России. Имя Гоголя возникает в тексте не только в связи с авторством бессмертной поэмы «Мертвые души», но, главное, в связи с его пророческими взглядами на Россию и ее будущее, на превращение русского «быта в бытие». Булгаков прибегает к помощи гоголевского слова в борьбе с низкой духовностью и общественными пороками, подчеркивая ментальную особенность русской нации: открытость к греху и покаянию.

В «Белой гвардии» имя Н.В. Гоголя связано с особым ментальным чувствованием русской души. И Булгакову важно познание, прежде всего, не конкретных человеческих душ, а души соборной, национальной, верующей, любящей, страдающей, сильной.

В целом в булгаковском творчестве имя и образ Гоголя выступают знаком веры в национальное духовное возрождение, символом пророческой избранности.

В третьем параграфе **«Гоголевские персонажные маски как характеризующее средство в прозе М.А. Булгакова»** показано, как М.А. Булгаков широко использует аллюзии на известные образы гоголевских персонажей, изображая их в несколько варьированном виде («Похождения Чичикова», «Как, истребляя пьянство, председатель транспортников истребил!», «№ 13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна», «Столица в блокноте», «Воспоминание», «Богема», «Записки на манжетах», «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»). Применяет писатель и ставшие нарицательными имена гоголевских персонажей, приемы зоологизации и овеществления, гротескно демонстрирующие суть персонажа. Прием зоологизации, например, становится знаком-символом действительности, ярко показывая «озверение человека», проявляющего жестокость ради выживания в страшные революционные годы.

Четвертый параграф **«Функция выражения авторского сознания через гоголевское «слово» в прозе М.А. Булгакова»** посвящен

рассмотрению функциональности гоголевских типов, репрезентирующих авторскую оценку человека новой художественной реальности. Опираясь на традиционные образы (плюшкины, башмачкины, поприщины, шпоньки), Булгаков подчеркивает характерные черты современной писателю эпохи и «человека нового типа».

Гоголевские типы оказываются значимыми для писателя, в связи с тем, что они позволяют Булгакову, увидев ужасающую бездну морального падения, углубить смысл своих произведений, с новой силой высветив злободневные проблемы.

В последнем разделе третьей главы **«Функция метафоризации действительности. Образ нечистой силы у Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова»** обращается внимание на то, что бесы и ведьмы в произведениях Гоголя и Булгакова обнаруживают некоторую идентичность, создают переключку художественных текстов.

Характерной особенностью образа зла становится его многоликость и неопределенность, а также теснейшая связь со слухами, сплетнями и пустыми суеверными разговорами, предшествующими появлению сатаны в сюжете произведений («Белая гвардия», «Собачье сердце», «Тайному другу», «Мастер и Маргарита»). Если Гоголь использует этот прием для создания особой мистической атмосферы, то Булгаков таким образом демонстрирует бесовской характер условной действительности, воспроизводящей черты реальной действительности, как, например, в романе «Мастер и Маргарита».

Появление демонических сил в булгаковской прозе призвано не просто запутывать и обманывать человека мнимыми ценностями, но и испытывать его, вскрывать его пороки и греховные помыслы, подчеркивать наличие злых помыслов в самой душе человека («Белая гвардия», «Собачье сердце», «Записки юного врача», «Тайному другу»). Чаще зло воздействует на персонажа во сне, как и у Н.В. Гоголя.

Образ ведьмы, претерпевший динамику в творчестве Н.В. Гоголя, наследуется М.А. Булгаковым в ее последней форме – образе «страшно красивой» молодой ведьмы. Булгаков вводит этот образ в сюжет для катализации развития действия, для выражения авторской модальности и демонстрации объективного писательского взгляда на страсти, бушующие в человеке и разрушающие его под воздействием inferнальных сил («Белая гвардия», «№ 13. – Дом Эльпит Рабкоммуна», «Самогонное озеро», «Адам и Ева», «Мастер и Маргарита»).

В конце третьей главы следует общий вывод, что, в целом, помещая гоголевское «слово» в новый контекст, М.А. Булгаков воспринимает его и интерпретирует на основе своего собственного понимания

действительности. И хотя писатель XX века видит в часы творческого прозрения не людей с лицами, а «чудища с харями», как и Гоголь, все же сквозь нечеловеческое, порочное проступали в его творчестве просветленные личности, преодолевшие свою духовную неразвитость. В произведениях Булгакова сквозит вера в неразрушимость лика России. «Загубленные душевные возможности» писатель изображал именно гоголевским методом, не просто перенося гоголевские образы-маски в свои произведения, но развивая этот художественный прием: большинство его персонажей наделены одной сквозной чертой, в основе которой лежит уподобление вещному миру по методу аналогий.

Стилевой доминантой творчества М.А. Булгакова было, на наш взгляд, использование различных средств интертекстуальности как способа выражения авторской позиции. С помощью интертекстом М.А. Булгаков создает образные параллели с творчеством Н.В. Гоголя, моделирует новые смысловые интерпретации для решения значимых для его эпохи художественных задач, постоянно подчеркивает, что неразвитость духовной сферы и «сновидческую жизнь» русские люди должны преодолеть и что тогда историческое будущее России будет «богатырским».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следование гоголевской сатирической традиции, а также включение в художественные тексты различных видов интертекстом, в том числе, прецедентных феноменов как репрезентативных черт русской литературы, стали доминантными для творчества М.А. Булгакова. Ключевое понятие «традиция» в прозе Булгакова конкретизируется как чувство истории, которое предполагает ощущение прошлого как настоящего, вхождение в общую корневую систему отечественного бытия.

Проза М.А. Булгакова, имеющая глубокую национальную литературно-художественную и философскую укорененность, была, прежде всего, ориентирована на художественные тексты Н.В. Гоголя, потому что его личность и творческое наследие во многом были близки чуткой эстетической натуре художника. Творчество Гоголя стало для него своеобразным эталоном, мерой, которой он «измерил» современность.

Исследование особенностей бытования гоголевского «слова» в творчестве М.А. Булгакова позволяет определить, что традиционные гоголевские темы и мотивы («маленького человека», «чичиковщины», абсурдизации жизни, разлада мечты и действительности, мотив «за-

колдованного места» и др.) были особенно актуальны для писателя XX века в эпоху послереволюционного «распада» России, когда отмечался кризис духовности, произошла абсурдизация «безбожного бытия» и установилась новая форма политического режима («Белая гвардия», «Китайская история», «Красная корона», «Морфий», «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Бег», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»).

Опора на традицию изображения русской действительности в гоголевском художественном творчестве как на авторитетное свидетельство познания русского национального характера и особенностей его ментальности помогла М.А. Булгакову увидеть возможность возрождения страны и возвращение русского народа к традиционной аксиологии («Белая гвардия», «Записки юного врача», «Бег», «Мастер и Маргарита», фельетонные рассказы 1920-х гг.).

Таким образом, широта охвата гоголевской традиции и многофункциональность интертекстуальных приемов говорят о том, что «слово» Н.В. Гоголя является важнейшим компонентом конструктивного признака всей булгаковской прозы, вдохновлявшим М.А. Булгакова на поиски новых эстетических решений.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

В журналах, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Иванова Е.С. Организация и сюжетно-фабульная структура снов в пьесе «Бег» М.А. Булгакова // Вопросы современной науки и практики. Университет имени В.И. Вернадского. № 1 (50)/2014. Тамбов, 2014. С. 243-249.

2. Иванова Е.С., Попова И.М. Сон как способ символической репрезентации действительности (на материале повестей Н.В. Гоголя «Нос», «Невский проспект», «Портрет», «Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть» и романов М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», пьесы «Бег», фельетона «Похождения Чичикова») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4. Ч. 2. Тамбов, 2015. С. 86-90.

3. Иванова Е.С. Традиции Н.В. Гоголя в творчестве М.А. Булгакова: сон о двух крысах // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Вып. 1/2015. Майкоп, 2015. С. 62-65.

В других изданиях:

1. Иванова Е.С. Художественное своеобразие мотива сна как прецедентного феномена в пьесе М.А. Булгакова «Бег» // Язык и куль-

тура: сборник материалов II научно-практической конференции. Новосибирск, 2012. С. 146-150.

2. Иванова Е.С. Логика ориентации пространства сна Маргариты в «закатном» романе М.А. Булгакова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XIV международной научно-практической конференции 26-27 марта 2013 г. В 2 т.: Т. I / Науч.-инф. Издат. центр «Институт стратегических исследований». Москва, 2013. С. 363-366.

3. Иванова Е.С. Художественное своеобразие мотива сна в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 10 (29): сборник статей по материалам XXIX международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013. С. 167-178.

4. Иванова Е.С. Сон как характеристика героя в аспекте отношения к действительности (на материале произведений Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова) // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2014. № 2 (4). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1002>

5. Иванова Е.С. Особенности поэтики сна в творчестве Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова (на материале повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» и романа М.А. Булгакова «Белая гвардия») // International Center for the Social Sciences. Ежемесячный научный журнал № 4/4014. С. 110-113.

6. Иванова Е.С. Онирическая модель мира в творчестве Н.В. Гоголя // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XLVIII междунар. науч.-практ. конф. № 5 (48). Новосибирск, 2015. С. 113-123.

7. Иванова Е.С. Специфика гоголевского присутствия в тексте очерка «Киев-город» М.А. Булгакова // Итоги и перспективы научных исследований. Выпуск № 3: Сборник научных трудов. Краснодар, 2016. С. 16-25.

8. Иванова Е.С. «Маленький человек» в прозе М.А. Булгакова // Достижения современной науки 2016. XIII Международная научно-практическая конференция. [Электронный ресурс]. М., 2016. С. 272-280.

9. Иванова Е.С. «Бубновая история» М.А. Булгакова // Вопросы филологии № 1 (53). Москва, 2016. С. 103-107.

10. Иванова Е.С., Алхуссейни Сами. Мотив безумия «гоголевского типа» в рассказе «Красная корона» М.А. Булгакова // Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «Проблемы современной филологии». Тамбов, 2016. С. 67-73.

Подписано в печать 26.12.2016 г. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 1,28.

Тираж 100 экз. Заказ № 1373. Бесплатно.

Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина

392008, Тамбов, ул. Советская, 190г.

Отпечатано в типографии Издательского дома ТГУ имени Г.Р. Державина

392008, Тамбов, ул. Советская, 190г.